

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007

ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE

VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TABLE OF CONTENTS **ITEM TRANSCRIPT**

ORIGINAL TRANSLATION

ENGLISH TRANSLATION

CITATION & RIGHTS

.....

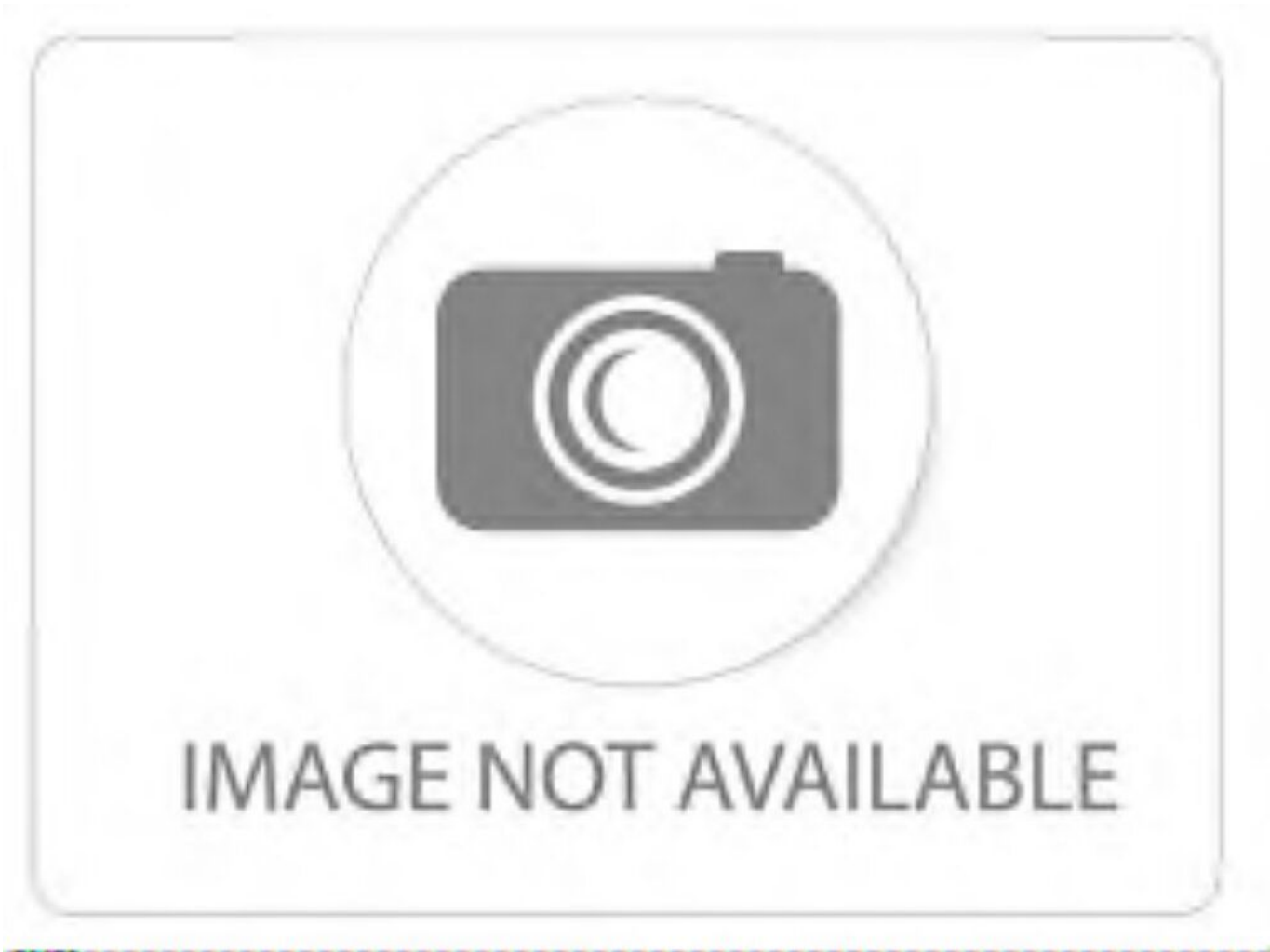
.....

.....

2

20

36

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ORIGINAL TRANSLATION

—Мы находимся в Бруклине, в Нью-Йорке, в гостях у ветерана Великой Отечественной войны. Пожалуйста назовите себя, расскажите о семье, в которой вы родились и выросли, о том, как вы узнали о начале войны, попали в армию и как вы воевали. Вам слово.

Я, Леонид Розенберг, родился 3-го сентября 1921-го года в городе Изяслав Хмельницкой области на Украине. Мои родители: отец—Розенберг Борис Григорьевич, в то время служил на границе с Польшей. Мать моя, Фаня Эммануиловна, там же проживала с отцом. Отец в свое время, как и многие евреи, поддержал революцию 17-го года, работал в Органах ЧК (Чрезвычайной Комиссии), надеясь, что евреям легче будет. Черта оседлости возможно бы и не была для евреев столь жестокой, как она была в царской России, и вот в этой надежде и отец, и его родная сестра ушли, как тогда говорили, в революцию и много работали, защищая Советскую власть. Отец в последующем воевал в бригаде—тогда называлась она Батько Боженко—дивизии Щорса. Он даже был начальником штаба этой бригады.

Попал в эту бригаду совершенно случайно. В районе города Шепетовка он убежал с царского фронта еще с одним русским, и они ночью попали в один из домов, в котором был банкет. Там было более 100 человек на 2-ом этаже. Отец закончил музыкальную школу в городе Житомир, там, где он и родился. И вот, его напарник говорит ему: «Давай, Борис, сыграй». Там рояль чудесный стоял, очень много людей, женщин красивых. И вот, отец подошёл к роялю. У рояля сидел один немец и одним пальцем что-то выстукивал. И он попросил его: «Разрешите мне сыграть». Немец ему ответил: «Собакам и жидам здесь делать нечего». Отец у меня был высокий, сильный мужчина. Он подошёл, взял этого немца, поднял, через весь зал пронёс и выбросил со 2-го этажа из окна и убежал оттуда. Убежал в район железнодорожной станции Шепетовка. В это время там разгружали всякие грузы, и бумага в шестипудовых ящиках на одном из вагонов лежала, и 4 солдата, смотрит, дергают, не могут ничего сделать. Отец подошёл и сказал им: «Ребята, дайте сюда». А в стороне стоял Батько Боженко, командир этой бригады, со своей свитой. И вот отец взял этот ящик шестипудовый на себя, на спину, пронес его метров 20, сбросил. И это всё наблюдал этот Боженко, командир бригады. Сразу вызвал его к себе и сказал: «Будешь у меня воевать?». Отец представился, говорит, конечно, буду. И вот там воевал с Боженко до его смерти, пока он не погиб.

А затем отец работал в 20-ом году комендантом города Бердичев. И в последующем—он беспартийный был—в последующем он имел фамилию Разумов, не Розенберг, потому что в то время тоже антисемитизм существовал, как и сегодня, как, видимо, и в будущем будет существовать.

И вот отец оттуда, с должности коменданта города Бердичева уехал в местечко Червонное, чтобы

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

замести свои следы—где он и что он, потому что тогда уже начинались репрессии. В местечке Червонном я с мамой жил. Мама была преподавателем в еврейской школе—физики и математики. В 39-ом году отца призвали в армию. Он участник освобождения Западной Украины, других операций, и участник даже Финской войны, и участник Великой Отечественной войны.

Я в 39-ом году в Червонном закончил десятилетку и добровольно поступил в Киевское 1-ое Артиллерийское Училище. В 41-ом году 6-го июня я закончил это Училище и был направлен на границу, в район города Лида.

Мать моя закончила Харьковский Стоматологический Институт и затем работала заведующей аптекой местечка Ружин Житомирской области. Вот там и первые дни войны её застали. Мама, мой брат Эммануил, сестренка Ирочка семи лет была застрелена немцами в кровати. Мама была заведующая аптеки в местечке Ружин.

Много можно рассказать о том страшном времени. Жили мы ниже черты бедности, как теперь говорят. Отец работал служащим на заводе, но я с 39-го года отца так и не видел.

Закончил училище, попал на границу в район города Лида, в 20-ый артиллерийский полк 17-ой стрелковой дивизии. Эта дивизия только пришла с Финской войны, неуккомплектована. И, фактически, я уже чувствовал 19-го, 20-го, 21-го июня 41-го года напряжение страшное. Мы чувствовали дыхание войны. Но все-таки удар был нанесен внезапно. Внезапно в том смысле, что мы точно не могли определить, в какой же день начнется все это страшное. И вот, в 4 часа утра 22-го июня я, лейтенант, командир взвода встретил первый бой с фашистами. Немцы вели артиллерийский огонь, артподготовку, так называемую, они провели. Затем на бреющих самолетах, на бреющем полете самолеты нас поливали свинцом. Но основная армада—я видел все это огромное количество самолетов, которые пролетали над нами вглубь нашей страны. Бомбили, вы знаете, Киев, Житомир, многие другие города. Это первый страшный день войны. Мы в 6 утра на радиостанции 6ПК, так называемой, поймали Москву, что объявлена война. В первые часы очень много было раненых, убитых. Раненые кричали о помощи: Спасите! Помогите! Артиллерийский полк был на конной тяге. Многих лошадей там постреляли. Ужасно, что творилось. И вот мы начали этот отход с границы. Мне запомнилось особенно, когда мы проходили через небольшую деревню, как у плетня стояла женщина с четырьмя детьми и нам кричала: «Родимые, на кого нас оставляете?». И вот, упряжка с лошадьми тянула это орудие, и мы, опустив голову, отступали. А немцы самолетами нас поливали.

Первые дни войны—это страшно, это словами нельзя объяснить. 25-го июня 41-го года я, разведчик со мной, телефонист, корректировал артиллерийский огонь батареи своей. Мы укрылись на бугре таком, у меня бинокль был 12-ти кратный, мне отец с финской войны еще привез. И вот я наблюдал

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

в бинокль—на опушке леса, метров 300-400 от того места, где мы заняли наблюдательный пункт, немцы в 5 часов утра ходили с котелками, раздетые, в рубашках, готовились к очередному удару. Я подготовил эти все данные для стрельбы и не успел подать первую команду, и в этот момент впереди, из ржи, такой высокой, по грудь мне поднялось человек 15 или 20 немцев с автоматами и кричат: «Русь, сдавайсь». А я в офицерской форме, в каске. Пистолетный кабур у нас дали—неукомплектованность—и револьвер. Я его закручивал веревкой, чтобы не потерять, когда я на лошади еду. И в этот момент, когда они поднялись и море огня сразу, я успел вырвать револьвер и двух фрицев пристрелил вплотную. Затем гранату сорвал, бросил одну, вторую. Поднялось облако пыли. Моего телефониста—очередь сразу вошла автоматная в лицо. Он сразу же упал. Лошадь одну сразу свалили. Мне левую ногу очередь прошила, раздробили кость. В сапогах—полный сапог крови. Но я спортсменом был, любил спорт—прыгнул на лошадь, этого разведчика с собой тоже на лошадь, и пытались умчаться. Под проливным огнем мы проехали метров 150, там ручей был. Небольшой ручей, это торфоразработки. И вот, мы попали в эти торфоразработки. Впереди лошади гребешь этот торф и лошадь за повод за собой тащишь. Выехали мы все-таки, преодолели, часа полтора это болото преодолевали. Выехали.

На Западе, там узкие дороги, но каменные дороги такие, булыжник. И в этот момент я наблюдаю: «Мессер». Высоко, высоко самолет. Он заметил нас—меня и разведчика на лошадях и несколько раз с бреющего полета поливал свинцом. Разведчик соскакивал с лошади, укрывался. Я дважды не мог соскочить, потому что полный сапог крови, нога вся разбита. Но в одном месте все-таки не выдержал, тоже с лошади скатился в кювет. Лошадь проскочила метров 150, и вот, какое умное животное: самолет покрутил и улетел, и лошадь обратно возвратилась, подошла ко мне, встала, и я взобрался на нее и искал своих. Своих из 20-го артиллерийского полка. Несколько раз натыкался на немцев, потому что я просил своего разведчика,—он не раненый был—что вот там какой-то дымок, вот там какие-то солдаты—пожалуйста посмотри что, кто. Но он боялся, и вот я с окровавленной ногой в сапоге вынужден был ползти в кусты, смотреть, кто, что.

Короче говоря, несколько раз натыкались на немцев, а потом все-таки часам к 11 ночи на своих набрали и помню только, что майор Цитович, командир полка, нагнулся надо мной, начал что-то говорить, спрашивать, что мы тебя считали уже на том свете. Я планшет достал, показал, где что. И вот я командиру полка майору Цитович рассказываю, где линия фронта, где я с немцами встретился, другие вопросы там рассказывал и потерял сознание. И только пришёл в себя утром, когда я оказался на поляне на опушке леса и рядом со мной человек 20 или 25 лежало раненых наших. Нас погрузили раненых в машины, такие были полуторки—ГАЗАА. На этой машине солому постелили, затем 4 человека нас положили на солому в кузов этой машины, и мы поехали на Могилев. Но перед этим мы видели, как Минск горел. Это страшное явление. Нефтесклады, бензосклады под Минском горели. Но мы перед тем, как на Могилев, через Минск хотели проехать. В Минск часов в 6 вечера только подъехали, а в Минске уже 26-го июня 41-го года был немецкий десант, и немцы со вторых этажей при въезде в город кинжальным огнем уничтожали те машины,

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

которые въезжали туда. И мы наблюдали там пожары, горели, бежали люди. Наша машина только въехала в предместье города, и на подножку прыгнул один—запомнилось на всю жизнь—в белых брюках, в белых каких-то туфлях и кричит нам: «Дорогие мои, куда вы? Там же немцы кругом». Но наш водитель, москвич такой, хороший был здоровый парень, развернул машину и сумел из-под этого кинжального огня выскочить и поехали на Могилев.

Приехали в Могилев. В Могилеве тихо. Наши два «Ишачка», как мы называли, ИШ-16 балансируют. Короче говоря, не верили, что там так тихо, войны нет. Мы там простояли некоторое время. Затем нас погрузили в эшелон железнодорожный санитарный и отправили на Курск, на Ростов. Но наш эшелон несколько раз немцы обстреливали, бомбили, жгли вагоны. Те, у кого возможность была, выскакивали на ходу, когда останавливался вагон—горел. Но я лежал, как колода, потому что нога была неподвижной. Рядом со мной тоже, запомнил я хорошо, лежал молодой лейтенант, красивый такой парень, но немцы стреляли шрапнелью, ему попали в бедро. У него гангрена началась, и он, на моих глазах, рядом со мной скончался. Страшно вот этот путь, который проехал я в железнодорожном вагоне из Курска на Ростов, и последнее место мое это за Ростовом—дальше проехал я, там пролежал 21 сутки. Не в госпитале, а в каком-то техникуме на 2-ом этаже. Не залечив раны, костыль достал, палку достал и с одним напарником убежали мы оттуда. Убежали.

А в Ростове уже формировалась 339-ая Ростовская стрелковая дивизия. На ипподроме её формировали несколько дней, и на этом ипподроме мне запомнилось особенно наш, 900-ый артиллерийский полк назывался он, один из командиров, с которым я потом встречался после войны, полковник Демченко Илья Степанович мне рассказывал, говорит: «Леонид, как мы тебе завидовали, что ты уже немца видел и стрелял по немцам». И вот с этим полком я продолжал войну.

Под Новороссийском тяжелейшие бои, в которых я участвовал. Затем, дважды я участвовал в сдаче Ростова и возвращении города Ростова. Затем, на реке Миусс под Таганрогом страшные бои были, где участвовала 76-ая бригада морской пехоты, которую я артиллерийским огнем поддерживал. Мой фронтовой друг был там командир роты этой морской пехоты—Анатолий Шапиро, который в числе первых входил в Освенцим, уже был тогда командиром батальона. Страшные бои . . .

После освобождения Ростова Курская Дуга. Что характерно, что на Курской Дуге впервые немцы применили страшное новое, как они тогда называли, оружие—это танки «Тигр» и самоходные орудия «Пантера». Особенность заключалась в том, что начальная скорость полета пушки и самоходного орудия, и танка «Тигр» очень высокая. Обычно слышишь где-то разрыв, вернее, выстрел, а потом разрыв. А здесь выстрела не слышишь, а только разрыв впереди тебя.

И вот, после Курской Дуги я участвовал в наступлении и форсировании реки Днепр. 6-го ноября 43-

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

го года я был в Киеве и был там, где проживали мои близкие, родные, родственники. Бутышев переулок 6, квартира 6. Доктор Штеренберг там проживал до войны. Никого, конечно, там живых не осталось. В этой квартире сидели какие-то солдаты с котелком, я помню, на столе—обедали. Все было разграблено в этой квартире. Ну, бои продолжались. После освобождения Киева я участвовал в освобождении Украины, затем Белоруссии. Затем мы вышли к реке Висла против Варшавы. Я тогда служил в 47-ой армии. Там мы простояли около 3-х месяцев. С хода форсировать Вислу не удалось, тылы наши растянулись, подвоз боеприпасов и другого военного имущества не мог успеть за наступающими войсками. В последующем участвовал в освобождении, как мы тогда называли, Праги—это предместье Варшавы—и в боях в городе Варшава.

За бои в Варшаве я получил орден—самый высокий орден Боевого Красного Знамени. Получил также ряд благодарностей и получил медаль «Одер-Нисе-Балтика», такая Польская медаль. Затем—Восточная Пруссия, затем самое, то что мы мечтали главное—это дойти до Берлина. Я был в составе 1-го Белорусского фронта, которым командовал легендарный маршал Жуков. Страшные, тяжелые бои были. Наступление на Берлин, окружение Берлина и штурм Берлина— за эти 3 операции у меня имеются благодарности Верховного Главнокомандующего Сталина.

Берлинская операция это особая операция. Очень много близких, родных людей там погибло, моих однополчан. Но главное, что Берлин пал. 1-го мая 45-го года Берлин был взят, и вы знаете, что Кантария, сержант, участвовал в водружении знамени, и Егоров, на Рейхстаге. Мне повезло в этом отношении: я был в числе тех, кто в первые дни после штурма Берлина 4-го мая—я, мой однополчанин подполковник Зыков, я был майор, и майор Могилевский пытались подняться на Рейхстаг, на купол Рейхстага. Но все-таки и Зыков и Могилевский не поднялись на купол, боялись. Я был отчаянным человеком, и несмотря на то, что эти каменные лестницы, разбитые, арматура висела и стропила, балки—я взобрался на купол Рейхстага, по таким узким обгорелым балкам, добрался до Знамени Победы. Оно было прикручено проволокой такой толстой и толстой веревкой, и вот так взялся за знамя и несколько времени подержался, и холодный пот с меня прямо градом лил, потому что вся война, все то, что мы мечтали—дойти до логова,—вот до логова я дошел. До логова я дошёл.

В 44-ом году под городом Белосток я встретил своего отца. Он воевал в 216-ом истребительном авиационном полку. Он тогда был капитан и я капитан. В 44-ом году. Трудно передать об этой встрече. Я искал двое суток. Мой командующий артиллерией генерал Годин знал мою трагедию: я запросы делал, где там мама, где папа. Ничего я не получил вразумительного, не знал. Всё отрицательное. А тут я все-таки встретил—через соответствующие запросы мне сообщили, что в 216-ом истребительном полку—отец. Я приехал туда, где должен был располагаться этот полк, а люди говорят: да, вчера был, сегодня пошли дальше в наступление. И я все-таки по оси передвижения нашёл этот полк и, где-то, к ночи попал в расположение этого полка.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Начальник штаба полка, тоже капитан, когда я его спросил: «Есть у вас такой—Борис Григорьевич Розенберг?», он мне ответил: «Ну кто его не знает. Это самый веселый человек у нас». Отец был здоровый, красивый мужчина. И вот говорит: «Пошли, я тебе покажу, где он». И мы пошли по деревне. В этой деревне, в одной из хаток гильза такая, туда фитиль был вставлен, и вот, что-то около половины 12-го ночи сидел вот так вот около гильзы, читал какую-то книгу. Когда зашел этот капитан и сказал: «Борис, смотри, кого я тебе привел», отец не мог встать. Он поднялся и обратно упал. И это первая моя встреча с отцом с 39-го года. Мы до утра просидели, проразговаривали, и вот тут он мне страшную весть открыл, что 10-го сентября 41-го года в местечке Ружин расстреляли мою маму, брата и сестренку. Мы подъехали утром в город Белосток, в городе сфотографировались—у меня фотографии для памяти есть. Затем я поехал в свою часть, а отец продолжал воевать. Закончил войну в мае 45-го, как и я. В мае месяце в 45-ом году Северо-Западнее Берлина я закончил войну. Ликовали! По окончании войны, вам трудно передать, какая радость была.

После войны я служил в Германии в группе Советских оккупационных войск, как тогда называлась она. Сначала—в 47-ой армии, затем её расформировали в городе Галле. Затем—в 3-ей ударной армии в городе Магдебург, и 4 года—в 1-ой Гвардейской танковой армии в городе Дрезден. Из города Дрезден . . . в 50-ом году прибыла мне замена из города Калининград, из 16-го Гвардейского стрелкового корпуса. Я переехал из Германии в этот 16-ый Гвардейский стрелковый корпус, в Артиллерийское управление, и там до 52-го года я еще служил. В 53-ем году я поступил в Военную Академию имени Фрунзе. Тяжело было заниматься. Розенбергу! Подчеркиваю! Всего было 3 еврея: Розенберг, Краснов и еще один . . . Гринберг был еще—3 еврея. Я был сначала старшиной курса. На курсе 500 человек занимается—майоры, подполковники, полковники. Короче говоря, Академию Фрунзе основной факультет я успешно закончил и направлен был на Дальний Восток. Под Владивостоком есть такое место Шкотово. 25-ая армия. Там я пробыл некоторое время. Затем расформировывали части, предлагали Камчатку, Чукотку и так далее. Но отец жил у меня в Киеве. Инвалид. И я просил, чтобы меня направили в Киевский Военный округ, там, где я начинал службу. Видимо, учли всё это, потому что после окончания Академии Фрунзе направление мне предложили в Термез. Кушка, Термез—вы знаете, что это за районы. А я малярией болел, дети маленькие. Я отказался от всего этого. И вот оттуда, с Дальнего Востока я попал в Киевский Военный округ, в город Луганск.

В Луганске я служил заместителем командира полка, затем командиром артиллерийского полка. По тревоге нас подняли и направили в Семипалатинск, когда там события на Даманском были и так далее. В Семипалатинске я закончил службу командиром артиллерийского полка. Сложное, трудное время было в городе Семипалатинск. Я по болезни был уволен с правом ношения военной формы и в городе Киеве окончательно обосновался. Там, где я начинал службу вначале.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Хочу вам сказать, что я 1-го мая 46-го года женился в городе Житомир. Мой первый отпуск был в городе Житомир. Это очень хороший город, где близкие, родные. Отец у меня родился в Житомире, и потом он уволился, был в Житомире. Я в городе Житомире встретил замечательного человека—верную, умную, красивую мою жену Фирочку, с которой я в этом году отмечаю 1-го мая 61 год вместе. Вот моя Фирочка.

Я имею двух детей: сын Саша закончил Ленинградский Киноинженерный Институт; дочь Флора закончила институт в городе Киеве. Имею прекрасных внуков. Внук у меня Дима, которому уже 31 год . . . 33 года, который работает программистом в Манхэттене. Боря, младший внук, тоже работает программистом в Манхэттене. Дочка моя принесла мне двух внуков: одна закончила Корнельский университет, другая закончила Колумбийский университет. Старшая внучка работает врачом. Младшая внучка продолжает учиться. У меня уже 2 правнука есть. Правнучка Ребекка—уже скоро 3 года будет ей. Правнук—полгода, Эммануил Борисович, как моего брата звали Эммануил Борисович. Живу я в городе Нью-Йорке и считаю себя счастливым человеком. Несмотря на то, что очень сложная, очень тяжёлая была у меня жизнь, . . . здесь у меня 28-ая квартира после войны—столько я ездил по разным гарнизонам. Трудную жизнь мы прожили с Фирочкой, но спасибо великой Америке, что мы сегодня здесь. Это страна, которая нам, фактически, и нашим детям, нашим внукам, нашим правнукам открыла мир иной. Поэтому я себя и Фирочка считаем счастливыми людьми. Я хочу сегодня особо сказать добрые слова вам, господину Блаватнику, вам, Лёня, вам, Марат, за то, что вы делаете большое благородное дело. Это нужно молодежи, это нужно тем, кто останется после нас, чтобы они знали, как нам было сложно, тяжело пройти такую страшную войну, которая забрала миллионы жизней.

6 миллионов евреев только погибло. Холокост забрал 6 миллионов евреев. 200 тысяч евреев погибло на полях сражений из 500 тысяч, которые воевали в Советском Союзе на фронтах. Поэтому нам сегодня особо приятно, что нас помнят, нас знают. Ну, к сожалению, уходят из жизни. За последние 2 года из нашего Правления ушло несколько человек, очень достойных людей. Ну, мы вышли уже через рубеж 85 почти лет. Такова жизнь. Я желаю накануне великих праздников Дня Победы, в первую очередь, всем ветеранам, их семьям, партизанам, узникам концлагерей, гетто, труженикам тыла здоровья, благополучия и в Америке, и в других странах мира, потому что нас, евреев разбросало по многим странам мира. Особая благодарность нашему родному Израилю. У каждого из нас есть близкие и родные люди в Израиле. Поэтому мы молимся, чтобы Израиль всегда оставался, и будет он оставаться, и мы в этом уверены. Израиль непобедим, и мы все будем делать, пока мы живы, для того, чтобы поддержать это наше родное государство. God bless America. God bless Israel.

—Несколько вопросов, если можно.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Пожалуйста.

—После вашего рассказа трудно сразу собраться с мыслями. Вам приходилось оказываться в окружении, кроме тех первых пяти дней, когда вы выбирались, искали наших? В последующем вам приходилось оказываться в окружении?

Я счастливый человек, потому что первые дни, когда меня везли раненого на этой машине, я помню, как сейчас, 2 машины застряли в болоте, и офицер, капитан с голубым околышем на фуражке вскочил на подножку машины и сказал: «Освободить этих раненых, мы их сейчас вот туда завезём, там хутор небольшой есть. Машина нам нужна для того, чтобы документы погрузить и отправить». Я у борта лежал тоже. Рядом со мной лежал один лётчик, который вёз пакет секретный в штаб корпуса, и его свои—прострелили правое лёгкое ему. И он вот так вот свистел—еле-еле дышал. И когда этот начал говорить водителю, что вот сейчас мы разгрузим и всё прочее, я достал револьвер и сказал: «Если ты сейчас не спрыгнешь и не уйдёшь, весь барабан в тебя пушу». Он, видимо, испугался, спрыгнул, и мы дальше поехали на Минск. И слава богу, что в окружении ни в тот момент, ни в течение всей войны я не был.

—Вам приходилось встречаться с людьми, которые вышли из окружения?

Приходилось. Единицы. Это страшное событие, когда человек приходит без оружия, заросший, уставший, изможденный. Но убежал. Были такие факты. Я с этими людьми говорил и считаю, что они совершили подвиг, раз они сумели все-таки выскочить из окружения и прийти к своим.

—Их направляли сразу в другие части или сначала они имели дело со СМЕРШем?

Они имели дело со СМЕРШем в большинстве случаев. Потому что, вы знаете, что СМЕРШ это Орган, который многих лишил жизни. И вместе с тем, особенно Приказ Сталина 227, который объявил «Ни шагу назад», и свои расстреливали своих, тех которые отступали, бежали и так далее. Это . . . об этом много можно рассказывать.

—Вы имеете в виду заградотряды?

Да. Заградотряды.

—Стреляли?

Да. Заградотряды расстреливали своих, кто отходил, кто отступал.

—В этих заградотрядах были особые части или какую-то любую часть—выпало . . .

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Разные были. Были НКВДшники, были и солдаты, особенно национальностей . . . Мордовии и все такие, знаете . . . не понимающие глубоко, что это и как это. И расстреливали своих. Выполняли приказ. Вот так вопрос ставили: «У нас приказ. Если кто отходит, кто бежит— расстреливать». И многие, конечно, кроме того, что расстреляны были, многие те, кто всё-таки проник, но потом попадал в руки СМЕРШ . . . Вы, наверно, слышали, читали, что десятки тысяч после войны еще сидели по 10, 15 и 20 лет. Те, кто, фактически выходил из окружения, проверяли, всё было. Страшно было. Было очень страшно.

—В части, в которой вы служили, попадали партизаны? Когда вы наступали, вам приходилось иметь дело, вы проходили через леса, где были партизанские, не только отряды, но целые армии?

Всё было. Вот под Варшавой, вы знаете, что Варшавское Гетто всё погибло. Мы, когда подошли к Варшаве, еще там очаги какие-то были сопротивления. Я лично наблюдал—английские бомбардировщики сбрасывали продовольствие, оружие вот этим осажденным в Варшаве. 90% того, что они сбрасывали, попадали немцам. Но отдельные попадали, и те перебежчики, которые чудом каким-то уцелели и попадали к нам. Ну, их допытывали, спрашивали и так далее. Затем, в самой Германии, когда вступили уже в Германию, попадали партизаны, которые из бывшего Союза, из Белоруссии, с Украины . . . перевооружали их и участвовали тоже в наступлении. У нас есть даже в нашем офисе такой Зейфман Исаак, который командовал партизанским отрядом.

—Когда партизанский отряд соединялся с главными силами, было недоверие к партизанам такое же, как к тем, кто был в окружении?

По разному было. Всё было. В некоторых партизанских отрядах, там где умелые и разумные командиры были, встречались войска и их сразу зачисляли в войска, и продолжали наступление. Но были такие, которые . . . есть официальные данные и о том, что знаменитый Пономаренко в Белоруссии даже такое распоряжение, якобы, дал, что в партизаны евреев не брать. Очень много евреев бежало именно в партизаны. Недоверие какое-то было. Вооружение им тоже не давать. Это трагическая история Великой Отечественной войны.

—Время от времени отводили с линии фронта для того, чтобы люди поспали, помылись, поели нормально?

Было, было это, такой порядок существует—неделю, 2 недели где-то на передовой люди находятся, или же в полку 3 батальона: 2 батальона в первом эшелоне и один батальон во втором эшелоне. Их периодически меняли для того, чтобы дать возможность людям на переднем крае как-то прийти в себя. Многих отводили для того, чтобы пополнить вооружением, техникой, потому что даже полк, в котором я начинал войну—20-ый артиллерийский полк—он пришёл с Финской войны, и

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

этот полк укомплектован был на процентов 70 орудиями, лошадьми, вооружением и всем остальным. Так что периодически меняли части—с переднего края в тыл, а тыловиков на передний край. Меняли, было это.

—Артиллерия была на конной тяге. Убивали лошадей. Что делали с пушками?

По-разному было, было так, что пришлось замки из орудия вынимать, где-то прятать, закапывать и отходить, потому что не на чем было тащить орудие. У нас на конной тяге все это было. Там, где я в 1-ом Артиллерийском Училище, это училище на конной тяге.

—Люди болели? Окопная жизнь, плохая еда . . .

Вы знаете, и возраст, в то время молодые мы были, недоедали, недосыпали . . . ну, что-то такое . . . таких болезней, как сейчас вот я слышу и вижу—не было, чтоб там ангина у него или грипп. Бывало там: зуб или что-нибудь такое. Всё бывало, но значительно меньше, чем теперь люди болеют. Во время войны люди меньше болели.

—Меньше болели или меньше обращали внимания на это.

Меньше болели. Меньше. Психологическое такое состояние было. Понимаете, так были настроены люди, что о себе меньше думали. Думали, что вот—боевая задача, надо её выполнить. И всё делали для того, чтобы выполнить эту боевую задачу.

—Когда людей отводили с фронта, что люди делали в это время? Приезжали артисты, кто мог, пели песни . . . или только думали об одном: спать, ни о чём не думать?

Всяко было. На отдельных участках фронта, особенно там, где авиаторы были, к ним приезжали артисты, потому что авиаторы не на переднем крае. Аэродромы располагались за 10-20 километров от переднего края. И туда, конечно, бригады артистов приезжали и очень тепло их встречали. А так, чтобы на передний край непосредственно, я за свою . . .

—Когда отводили на отдых . . .

Всё было. Бывало, любимые артисты—это, вы знаете, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов, Бернес. Это те люди, которые помогали нам создавать настроение и помогали бить немцев.

—У вас, в частях, в которых вы служили, рядом с вами были еще евреи?

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Евреи?

—Да.

Евреи были. Были евреи. Я не чувствовал тот антисемитизм, который после войны был и сейчас,—этого я не чувствовал. Я знаю, вот у меня, мой друг Кривицкий Семен, такой был командир дивизиона. Он прекрасно знал свое дело артиллерийское и стрелял чудесно. Как где-нибудь покажут ему огневую точку, он сразу же подготовил данные, команды дает и точно бьет. И было много других евреев, очень достойных людей.

Я встречался с Эммануилом Казакевичем. Знаете? Знаменитый писатель. Я полтора года с ним, фактически, очень часто виделся. Он был помощник начальника разведотдела 47-ой армии. Я тоже в это время в 47-ой армии работал в оперативном отделе артиллерии армии. Это удивительный человек.

Я запомнил, во-первых, 2-го мая 45-го года—группировка немцев около 400 человек была окружена в Берлине. И вот, эта группировка из четырехсот человек пыталась прорваться на Запад. На одном из участков фронта, на участке, где располагалось Полевое Управление нашей 47-ой армии, дорога рядом проходила, и у дороги, как обычно ставят, чтобы не заезжали, кому не положено туда в Управление армии,—шлагбаум перекрыли, поставили палатку брезентовую и 2 солдата, которые подымали этот шлагбаум и опускали, когда подъедет машина и гудит. Он выскакивает из палатки, смотрит – ага, открывает шлагбаум. И вот такой эпизод. Часов в 5 утра слышу я, стрельба какая-то автоматная страшная. Я тоже выскочил с автоматом, что, где? И мне говорят, что, знаете, вот по этому шоссе эти солдатики, в 5 утра еще не всё видно было—подошла колонна немцев. А там группировка была, колонна такая. Танки и самоходки, машины грузовые. И вот солдатик—начали гудеть, солдатик выскочил, посмотрел не на колонну, а посмотрел шлагбаум. Шлагбаум открыл. Стоял, стоял, а потом увидел—кресты немецкие. Бросил и убежал. И немцы километров 5 проскочили в тыл нашего Управления и там открыли огонь по нас. Начали мы отстреливаться автоматами, а мой командующий артиллерией был Годин Григорий Васильевич, генерал. Он сразу мне: «Майор Розенберг, вот тут Копелев стоит недалеко,—это противотанковая бригада, командир Копелев, полковник,—бери машину мою, сейчас же приведи несколько батарей, потому что ты видишь, что творится». И я в течение каких-то 15-20 минут был в этой бригаде, привёл 2 противотанковые батареи, развернули их и прямой наводкой по этим немцам. И это спасло, фактически, всё Управление 47-ой армии. Теперь насчет Казакевича.

—Еще 2 вопроса я хочу задать. Первый вопрос: вам приходилось встречаться с пленными немцами во время войны? Лицом к лицу.

Да, да.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007

ID NY033.interview PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—У вас было такое желание – немец, убить его?

Вот как вас вижу, вот так немца мы поймали на Северном Кавказе, под Новороссийском когда бои были, и привели этого немца пленного. Начали допрашивать. Я присутствовал, командир дивизии допрашивал. Подполковник Кулаков такой был. Такой рыжий здоровый немец. Его привели, он—«Хайль Гитлер», вот так говорит.

—Это в каком году было?

Это было в 42-ом году. И этот подполковник Кулаков говорит: «Объясни ему. «Хайль» там будет кричать, когда там будет, а здесь, скажи ему, что мы его расстреляем». Сразу немец этот рыжий осекся и начал слушать вопросы. Задавали вопросы—переводчик был—с какой части, когда эта часть пришла сюда, какой участок и так далее. И сразу пыл у него остыл.

—Возвращаюсь к вопросу о пленных. Если говорить не об одном «языке», которого захватили или заблудился кто-то. Особенно к концу войны были целые колонны пленнх. Вам приходилось быть рядом с такими колоннами пленнх немцев? Стоят или ведут пленнх немцев. Вы знаете, что ваши погибли, что они принесли все эти разрушения . . . Вы оказывались рядом с пленными? Вы были рядом с ними? У Вас было желание стрелять просто потому что они—немцы?

Мне непосредственно колонны с пленными немцами не пришлось вот так видеть, как вас. Но чувство ненависти, жгучее это чувство ненависти . . . как мой папа мне рассказывал, что я готов за то, что маму расстреляли, семью мою расстреляли, добраться до Рейхстага и вот там окончательно точку поставить над всеми немцами. Ну, вы знаете, статья Эренбурга в свое время как к ней отнеслись. Поправили господина Эренбурга, якобы. А мы, на фронте курили «козью ножку»—махорку насыпали на газету, и эта «козья ножка», если с материалом была Эренбурга . . . хранили эту бумажку и передавали из рук в руки, потому что Илья Эренбург сделал значительно больше, чем многие, многие части Красной Армии. Он готовил нас, морально готовил к уничтожению немцев.

—Вы хотели рассказать о Казакевиче.

Да. Эммануил Казакевич это удивительный человек. Он, во-первых, не призывался в армию, потому что по ряду медицинских показателей он не мог служить в армии. Но он добровольцем пошёл на фронт. И вот, в 45-ом году, когда было окружение немцев в районе Берлина, и эта группировка вырвалась, и на одном из участков недалеко от Берлина в лесу собралось несколько тысяч немцев, и командующий нашей армией генерал Перхорович начал советоваться со своим штабом, с руководителями другими, как нам быть. Так вот, он Казакевичу прямо сказал: «Вы, капитан, берите

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

самолёт из эскадрильи армейской—был такой У2 самолёт —и облетите этот весь район, и определите, где какие скопления немцев. Где вооружение, где танки, где только пехота, где бронетранспортеры стоят и так далее». И вот, на этом «кукурузнике», мы называли его в военное время, на этом самолете Казакевич с летчиком облетели весь этот район. Он определил места скопления немцев, прилетел, доложил командующему, дали ему машину с громкоговорящим устройством, и вот он подъехал к этому лесу и начал—он прекрасно говорил на немецком языке—и начал немцам прямо говорить, что вы окружены, ваша участь, фактически, решена. Вы в безнадежном состоянии. Или вы сдадитесь в плен, или мы вас всех сейчас будем уничтожать. Вы знаете, после этого микрофонного разговора, то что вел Казакевич, немцы еще больше усилили огонь по этой установке его, но минут 15-20 прошло, Казакевич белый флаг взял, еще с ним 3 человека, и с белым флагом направились. Пошли навстречу к нему тоже несколько человек—солдаты немецкие. Офицеры не выходили. И Казакевич с микрофоном, вплотную к этому лесу. Несколько раз им повторил, что все будут уничтожены, а так вам оставят жизнь. И вы знаете, этим подвигом, бесстрашным подвигом Казакевич добился того, что больше тысячи немцев вышло из леса, бросили автоматы, подняли руки и, как пленные, потом оказались у нас. Вот такой подвиг совершил мой друг очень близкий—Эммануил Казакевич. Дочь его сейчас живёт в Израиле. Я писал об этом неоднократно, получил несколько писем очень тёплых от дочери.

—Вы—офицер Красной Армии, вы получали в годы войны аттестат, зарплату. Была какая-то разница между зарплатой офицера артиллерии и пехоты?

Нет. Должности и звание. Если должность у тебя командир роты или командир батареи и звание капитан, то и в пехоте, и в артиллерии, и танкист—все получали одно и то же. Авиация—они получали другие.

—А гвардия?

За гвардию . . . очень много было гвардейцев. Процент какой-то там был небольшой. Но деньги-то некуда было тратить во время войны.

—Но аттестат можно было послать.

Аттестат да, близким, родным.

—Послать родным или кому вы хотели.

Совершенно правильно.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Солдаты что получали?

Солдаты получали мизер – 3 рубля в месяц. Я помню, как сейчас.

—Значит, офицер мог послать аттестат и таким образом поддержать свою семью.

Совершенно правильно.

—А семья солдат?

Военкомат, откуда он призывался, должен был какую-то помощь оказывать этим семьям. Но, к сожалению, эта помощь была настолько мизерная, что ее не чувствовали семьи солдат.

—Если можно, несколько слов о санитарях.

Конечно, санитары это женщины, которым памятники нужно было давно ставить. Каждой персонально, лично, потому что те санитары, те женщины, девушки, которые спасали жизнь раненым, больным, были на переднем крае и вытаскивали из-под огня этих людей—это особая категория людей. Это подвиг, который трудно переоценить. Много было таких женщин, таких девушек. Ученицы 10-го класса были призваны в санитары. И 10 классов были, и 7 классов были, по-всякому. Эти женщины во время войны сыграли особую роль в оказании помощи раненым и больным.

—Вы работали в штабе, да?

Я работал в заключительном этапе в штабе артиллерии армии 47-ой.

—А до заключительного этапа? Как вы продвигались . . . Я понял, в первые дни войны . . .

Я был командиром взвода.

—Взвода чего?

Артиллерийского взвода. Там, где было 2 орудия. Потом—командиром батареи, там, где было 4 орудия. Потом—начальником разведки дивизиона артиллерийского.

—Что делала разведка дивизиона?

Она определяла те цели, которые нужно уничтожить.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Каким образом?

Дивизион артиллерийский—это 3 батареи. По 4 орудия—12 орудий. Мы вели разведку, я с разведчиками и командирами батарей. Выходили на передний край, в бинокль наблюдали где что. Посылали в тыл немцев солдат, сержантов, офицеров, которые определяли места сосредоточения немцев, места, где у них пулемётные гнёзда, где артиллерийские орудия стоят, где танки сосредоточены, где пехота сосредоточена. По этим целям . . .

—Как они сообщали? Прошли в тыл к немцам, обнаружили все, что надо обнаружить, и вызывали огонь на себя?

Бывали такие факты тоже. Но чаще обратно приходили, показывали на карте топографической. Обычно мы, когда шли в тыл брали с собой карты, показывали, где орудия стоят или пулемётные гнёзда, или сосредоточены танки, потом по этим местам открывали артиллерийский огонь.

—Несколько слов о том, как ели как кормили.

Бывало, по двое, трое суток вообще ничего не ели. Всё было. И сухари были. Сухой паек был. И привозили на передний край горячую пищу обычно поздно вечером или ночью, потому что кухня не может проехать. Немцы видят и сразу открывают огонь по этим местам. Питание было, конечно, не регулярное и рады были, и счастливы были, если приезжает старшина, а на фронте еще давали 100 грамм, и эти 100 грамм поддерживали многих. Люди по-разному эти 100 грамм использовали. Некоторые любили 100 грамм прикоснуться, некоторые—не особенно.

У нас случай был такой: под Новоротовкой, такой населенный пункт, наш дивизион стоял. Командир дивизиона, мой фронтовой друг Илья Демченко был . . . открытая местность, а немцы там на высотах стояли противоположного берега. И вот, на открытой местности блиндажи рыли и в этих блиндажах находились. Мы, в частности, командиры. И вот, в одно прекрасное время Демченко вызывает командиров батарей. Они подчинены командиру дивизиона. Собралось там человек 6 или 7, я в том числе. Это зима, 42-ой год, холод страшный. А вход в землянку—плащ-накидка, одна и вторая. Обшивали стены соломой, и внизу тоже солома. А старшина принес полведра спирту. Цинковое ведро такое. Поставил. И вот мы сидим, разговариваем, делимся впечатлениями, и в этот момент Ильюша Демченко говорит: «Ну, давай, стукнемся». Металлические такие кружки были. Каждому налил по пол-кружки или три четверти кружки, кто сколько захотел. Чокнулись, выпили, посидели, дальше поговорили. Курим, курим, курим, и кто-то из наших окурков этот бросил на солому и в это ведро. Ведро схватилось . . . ха-ха-ха . . . и кто сумел первым выскочить, то еще ничего. А кое-кто выскочил—и брови обгорели, и руки обгорели. Всё было.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Так что 100 грамм помогало на фронте, многим помогало, настроение создавало. А кое-кто и злоупотреблял этим. Были случаи, страшные случаи. Я помню, за Ростовом еще стояли вагоны такие, цистерны со спиртом. Этиловый спирт, метиловый спирт—в общем, никто не разбирался. И вот, солдатики пошли туда, узнали, что в одной из цистерн это спирт, и туда залезали, котелками набирали. Хорошо там взяли, много спирту, а потом на следующее утро 8 человек мертвых оказалось. Этот спирт технический спирт был. Так что было всё.

—У вас много наград. Вы можете об одной рассказать, которая для вас лично запомнилась и представляет самую большую ценность, памятная награда.

Я вам уже кратенько сказал, что Орден Боевого Красного Знамени—это самая высокая награда за бои в Варшаве. А затем, ну, мало кто имеет 4 Ордена Отечественной войны. За что я их получил? Один орден получил за форсирование Днепра и освобождение Киева. Второй орден я получил—есть такой город Шнайдемюль в Германии. Страшные, тяжелейшие бои были. Третий орден я получил за Берлин. Четвертый орден я получил к сорокалетию, когда всем участникам войны давали орден Отечественной войны.

Мне дорог вот этот орден. Этот орден особый. Это орден Великая Победа. Мне этот орден вручили здесь в Америке уже. Приезжала сюда специальная делегация, и в Америке мне под номером 44 вручили этот орден. Маршал Жуков здесь.

Этот человек мне особо дорог. У меня было 3 встречи с маршалом Жуковым. Первая встреча в 40-ом году. Я был курсантом 1-го Киевского Артиллерийского Училища. И вот, сообщили нам, что приезжает Министр Обороны маршал Тимошенко в Киев. А Жуков был тогда командующим войсками Киевского Военного Округа. Из всего гарнизона собрали 100 человек специально для встречи Наркома Обороны. И вот, эти 100 человек—в числе этих 100 человек у нас из всех училищ военных был знаменосец училищ и 2 ассистента. Из 1-го Киевского Артиллерийского Училища, я был хорошим строевиком, меня назначили ассистентом, а знаменосцем был Герой Советского Союза Ягудин —за бои в Халхин-Голе еще в 37-ом году. И вот я, курсант 4-ой батареи и Ягудин—нас месяц тренировали, а затем на Киевском перроне, на вокзале на генеральную репетицию вывели туда, и затем сам процесс, как проходила эта встреча.

Мы все стояли на перроне, 100 человек. Приехал генерал Жуков, ходил, ходил, смотрел, смотрел. Я стоял 3-ий в колонне. Я, со знаменем Ягудин и второй ассистент. И вот он так прошёл, посмотрел. Ягудин—такие плечи у него, здоровый такой парень. Взял его за руку, говорит: «Вперед, на правый фланг». Меня за руку, «На правый фланг», и этого курсанта 4-ой батареи. Мы встали, он посмотрел, говорит: «Вот так будет лучше». А затем, через минут 5-7 слышим, поезд идёт. Тут подана команда «Смирно! Равнение направо». Мы все смотрим, и этот поезд идёт, 5 вагонов. И прошел, не

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

остановился. Подана команда «Вольно». Через минуту ровно опять поезд идёт, 5 вагонов. Опять «Смирно», мы стоим, и поезд остановился, где мы стояли на правом фланге.

Выскочил маршал Тимошенко, как сейчас помню, в таком сером костюме красивом, ботфорты, сапоги лакированные, перчатки в руке. Жуков к нему сразу подошёл, доложил: «Товарищ Нарком Обороны, почётный караул Киевского Военного Округа для вашей встречи построен». Ну, он прошёл, прошёл, «Здравствуйте!». Мы все гаркнули «Здравия желаем, маршал Советского Союза». Они там ходили, ходили, и затем закончилось тем, что нам скомандовали «Правое плечо вперед, строевым шагом марш, равнение направо», и мы прошли. После этого командующий войсками Киевского Военного Округа Жуков объявил нам благодарность.

Вторая встреча была в 44-ом году под Варшавой. Он приезжал, согласовывал многие вопросы. Я его тоже близко видел, но не разговаривал, никаких вопросов не было с его стороны. Третья встреча—это нас готовили к встрече делегации, которая приехала, ветеранов из Америки. Эту делегацию, 7 человек возглавлял Полонский, сержант Полонский. Он встречался на Эльбе с нашими войсками. Я тогда был слушателем Военной Академии имени Фрунзе. Из каждой Академии выделили по 4 человека. Выбрали только 20 человек из военных Академий— почётный караул у Знамени Победы. И вот тут я вторично встречался с этим Знаменем Победы. Я был заместителем начальника почётного караула. Мы в Центральном Доме Советской Армии, а там есть Музей Советской Армии, в этот музей прошли, это Знамя Победы, которое над рейхстагом было, вынесли и поставили на 2-ом этаже в Центральном Доме Советской Армии. В зале было больше трех тысяч человек. Мы стояли на 2-ом этаже.

Знамя Победы, слева 2 ассистента и справа ассистенты, те, кто встречался на Эльбе с американцами. В том числе и мне такая честь была предоставлена. Подымалась на 2-ой этаж эта делегация, 7 человек, фотографировали, кино-съёмки делали и прошли прямо в зал. Посадили их в первых рядах, а Джозеф Полонский—посадили его в президиум. Там генералитет большой сидел в президиуме. Ему предоставили слово. Я каждые 15 минут должен был ставить ассистентов у Знамени Победы. Выходил, ставил, обратно в зал зашёл. И вот я наблюдал такую картину: когда Джозеф Полонский выступил и первые слова свои сказал, что моя мама, посылая меня в Советский Союз, просила передать всем людям в Советском Союзе нашу великую благодарность за то, что мы вместе победили фашизм. Ну, и тут аплодисменты, и он вынул из одного кармана, из другого кармана по штук 200, наверно, тонкие такие фотографии—встреча на Эльбе. Помните, эта фотография везде разошлась: наш солдат и американский солдат обнимаются. И бросил в зал. Первые 7-8 рядов—все бросились за этими дорогими сувенирами. Затем процедура продолжалась, рассказывали, на стенах были такие метр на полтора огромные фотографии: встреча на Эльбе, Рейхстаг поверженный и так далее.

Вот, фактически, это та встреча со Знаменем Победы вторично была. А с Жуковым третья встреча

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

была на параде, когда Академия Фрунзе, вы знаете, открывает все парады в Москве. Нас готовили к параду. На генеральную репетицию вывели в аэропорт, и там была эта генеральная репетиция. Академия наша—в первом ряду. Коробка 144 человека. В 1-ой шеренге Академии мне удостоилась честь быть. Тогда приехал маршал Жуков, из Генерального штаба приехали большое количество генералов и адмиралов, и они шли тут рядом с первой шеренгой, разговаривали, а потом подошёл маршал, говорит: «Как пройдем?». Ну, в то время я слушатель Военной Академии имени Фрунзе, подполковник. Я говорю: «Отлично, товарищ маршал!». Он говорит: «Правильно, молодцы». И вся эта процедура так закончилась.

Ну, что вам хочу еще сказать, что маршал Жуков особый человек в моей истории и то, что я лично видел. Человек суровый, человек очень требовательный, человек большой силы воли, и один вид внушает какой-то даже страх, можно сказать. Было всяко на фронте, рассказывали и правду, и небылицы про маршала, но я, как участник Великой Отечественной войны, как человек, который трижды близко его видел, считаю, что это маршал Победы, это великий человек, и поэтому я все сделал возможное, находясь в Америке, для того, чтобы наша Американская Ассоциация инвалидов и ветеранов войны называлась имени маршала Жукова. Так она называется теперь. Приезжали дочери Жукова сюда. Когда было 100 лет маршалу Жукову, учредили такую медаль—«100 лет маршалу Жукову». Приехали дочери маршала Жукова, и эти медали вручали в Генеральном Консульстве Российской Федерации.

—Спасибо.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT **ENGLISH TRANSLATION**

—We are in Brooklyn, New York, visiting a veteran of the Great Patriotic War. Please introduce yourself and tell us about your family, how you found out about the start of the war, how you ended up in the army. Please go ahead.

My name is Leonid Rozenberg. I was born on September 3, 1921 in Izyaslav, Khmel'nitsk Oblast, Ukraine. My father Boris Grigorievich Rozenberg was serving at the Polish border at the time. My mother Fanya Emmanuilovna lived there with my father. Back then my father, as well as many other Jewish people, supported the Revolution of 1917 and worked at the All-Russian Extraordinary Commission, hoping for a better life for the Jewish people. They all hoped that the Pale of Settlement would be less strict as it used to be in the Tsarist Russia. This was the hope that led my father and his sister to give their full support of the revolution and to work hard to protect Soviet power. My father later fought in the "Batko Bozhenko" brigade of the Shchors division. He was even the Chief of Staff of this brigade.

He ended up at this brigade by chance. He ran away from the Tsarist army with a Russian man. They came across a house where there was a celebration. Over 100 people gathered on the second floor. My father graduated from the music school in Zhytomyr, where he was born. His friend told him: "Boris, go ahead, play something." There was a beautiful grand piano, many people and many beautiful women. So my father came up to the grand piano. A German was sitting at the piano and trying to play something with one finger. He asked him: "May I play?" The German replied, "Dogs and Yids are not welcomed here." My father was a tall, strong man. He came up, grabbed that German, carried him across the room, threw him out of a second-floor window, and ran away. He went to the railroad station called Shepetovka. People were unloading cargo. There were boxes of paper in one of the train cars. Each box weighed about a hundred kilograms. He saw that four soldiers did not know what to do with that box, came up to them and said: "Guys, give it to me." Batko Bozhenko, the brigade's commander, stood at the side with his entourage. My father lifted that box, put it on his back, carried it for 20 meters and threw it off his back. Bozhenko, the brigade's commander, watched that whole thing. He immediately called him over and said: "Do you want to fight under my command?" My father introduced himself and said: "Of course." He fought in Bozhenko's brigade until his death.

Then, in 1920, he became a commandant of Berdychiv. He was not a Party member, and later changed his last name from Rozenberg to Razumov, because there was anti-Semitism back then, as there is now, and as it seems there always will be.

My father left his post as a commandant of Berdychiv and went to a village called Chervone to cover up his tracks, because the repressions had already started. I lived in Chervone with my mother who was a

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

physics and mathematics teacher in a Jewish school. My father was drafted into the army in 1939. He fought for the liberation of Western Ukraine and in other operations; he fought in the Finnish War and in the Great Patriotic War.

I finished tenth grade of high school in Chervone in 1939 and voluntarily entered Kiev Artillery Training School No. 1. I graduated from the training school on June 6, 1941 and was sent to the border, near the town of Lida.

My mother graduated from the Kharkiv Dentistry Institute and became a pharmacy manager in a place called Ruzhyn in Zhytomyr Oblast. That's where she was when the war began. The Germans shot my mother, my brother Emmanuil, and my seven-year old sister Irochka, who was shot in her bed. My mother was a pharmacy manager in Ruzhyn.

I can talk a lot about that terrible time. We lived below the poverty line, so to speak. My father was an administrative employee at a plant, but I saw him last in 1939.

I graduated from the training school and ended up at the border not far from Lida in the 20th Artillery Regiment of the 17th Rifle Division. This division had just returned from the Finnish War and it had not been replenished yet. I could sense enormous tension around the 19, 20, and 21 of June. We felt the breath of war. Still, the attack was sudden. Sudden in a sense that we did not know on which day the worst would come. At 4 am on June 22, I—a lieutenant and a platoon commander—had my first battle with the Nazis. The Germans opened an artillery fire, carrying out the so-called artillery preparation. Then their warplanes were hedge hopping over our heads and thundering down bullets. But I saw with my own eyes the main armada: the huge number of planes flying past us deeper into our country. They bombed Kiev, Zhytomyr, and many other cities. That was the terrifying first day of war. At 6am we tuned into Moscow announcing the start of the war on our 6PK radio stations. There were many killed and injured during the first few hours. The injured screamed: "Help! Save us!" The artillery regiment was horse-drawn. Many horses were killed. It was terrible. That's when we began to retreat from the border. I especially remember a woman standing next to a fence with her four children, and yelling to us: "My dear, what will happen to us after you leave?", but the horse-cart was pulling a cannon and we were retreating with our heads down. The Germans were spraying us with fire from their planes.

The first days of war were terrible. No words can describe it. I was correcting the artillery fire of my battery together with a scout and a telephone operator on June 25, 1941. We hid behind a hillock. I had a pair of 12-fold binoculars that my father brought me from the Finnish War. At five in the morning, I looked in the binoculars and saw Germans at the edge of the wood, 300-400 meters from us. They were walking around half-naked, with their shirts off and mess tins in hand, getting ready for the next strike. I got this information ready for our artillery and was about to give the first order when 15-20 Germans with

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

submachine guns popped up from the rye field and yelled: "Russians, surrender!" I had an officer uniform and a helmet on. We were not properly equipped, so I had a revolver in a pistol holster. I had to tie it up with a rope so as not to lose it when I rode a horse. When they popped up and there was a sea of fire, I managed to shoot down two officers at point blank. I threw one grenade first, then the second one. A cloud of dust rose. The submachine gun burst went across the face of my telephone operator. He fell down at once. One horse was killed. A gun burst went through my left leg, fracturing my bone into pieces. My boot was full of blood. However, I liked sports and was athletic. I jumped on the horse, took the reconnaissance man with me, and tried to ride away. We rode under constant fire for 150 meters. There was a peat field and a small brook there. We ended up in that peat field. You have to clear the peat with your hands and lead your horse. It took us an hour and a half to go through that swamp, but we finally made it.

Roads in the west were narrow and made out of stone. Then suddenly I saw a Me109—"Messer". It was flying very high. It detected the scout and me on horseback, began to hedge hop and fire at us. The reconnaissance man would jump off the horse and hide. I could not get off the horse twice because my boot was full of blood and my leg was broken up. Finally, I could no longer stand it, so I hopped off the horse and rolled into a ditch. The plane circled around a few times and left. The horse went on for 150 meters and—such a smart animal—came back and stopped next to me. I mounted it and went to look for my men from the 20th Artillery Regiment. I ran into Germans several times. I asked my scout to check out the soldiers or the smoke we saw in the distance, as he was not injured, but he was scared, so I had to crawl into bushes and check things out despite my injured leg.

In short, we stumbled upon the Germans several times until we got to our unit by 11pm. I remember Major Tsitovich bending over me, asking me something and saying that they thought I was dead. I took out my field bag with a map and showed different targets on it. As I was telling Major Tsitovich, the regiment's commander, where the front line was, where I ran into Germans, and other things, I lost consciousness. I came to my senses only in the morning, when I was in a forest meadow surrounded by 20-25 other wounded soldiers. We were put in the cars, 1.5 ton GAZ-AA trucks. The four of us were placed on the hay that lined the floor of the cargo area and we drove to Mogilev. Prior to that we saw Minsk on fire. That was a terrible sight to behold. Oil and petrol depots near Minsk were on fire. Before going to Mogilev, we wanted to go through Minsk. From June 25, 1941 the German paratroopers were in Minsk. When we got there around 6pm, the Germans occupied the second floors of buildings and destroyed the vehicles that entered the city by surprise fire at very close range. We saw fires and we saw people running. As our truck drove into the outskirts, a man, dressed in white trousers and white shoes—I will never forget this—hopped onto a footboard and yelled: "My dear, where are you going? The Germans are everywhere over there." Our driver, a Muscovite, a good, strong man, was able to turn the car, evade that fire at very close range, and get to Mogilev.

We got to Mogilev. It was all quiet. There were two "Ishachoks", as we called I16 fighter planes. In short, we could not believe that it was quiet, and there was no active action there. We spent some time there

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

and then were loaded into a sanitary train and sent in the direction of Kursk and Rostov. The Germans fired at our train, bombed us, and burned train cars. Those who were able, jumped out from the moving train, but I lay like a log, because I could not move my leg. I well remember a young lieutenant—a handsome guy—next to me. The Germans shot him through his thigh with shrapnel. The gangrene started, and he died right next to me, in front of my eyes. That journey from Kursk to Rostov was terrifying. My destination was past Rostov. I stayed there for twenty-one days. I was not in a hospital, but on the second floor of a school building. I found a crutch, some stick, and ran away with another soldier without fully recovering. We ran away.

Meanwhile, the 339th Rostov Rifle Division was being formed in Rostov. It was being made up at a racetrack. I especially remember how Colonel Ilya Stepanovich Demchenko, one the 900th Artillery Regiment commanders, with whom I also met after the war, said: “Leonid, we were so jealous of you because you saw the Germans and shot at them.” I continued my service in that regiment.

I participated in very heavy fighting near Novorossiysk. I fought when we surrendered Rostov and when we took it back. Then there were terrible fights on the Mius River near Taganrog, where the 76th Marine Brigade was fighting and I was supporting it with artillery fire. My battlefield friend Anatoly Shapiro was the commander of a marine company there. He, already a battalion commander, was one of the first to enter Auschwitz. Terrible fights . . .

After the liberation of Rostov came the Battle of Kursk. Importantly, at the Battle of Kursk the Germans for the first time introduced the terrible new weapons—“Tiger” tanks and mechanized “Panther” guns. The distinguishing characteristic was the high speed of these weapons. Usually, you could hear the sound of a shot followed by an explosion. However, with those new weapons, you only could hear the explosion ahead, not the shot . . .

After the Battle of Kursk, I participated in the offensive operation at the Dnieper and its force crossing. I was in Kiev [Kyiv], where my family and friends used to live, on November 6, 1943. 6 Butyshev pereulok, apt. 6.—Doctor Shterenberg resided there before the war. Nobody survived, of course. I remember there were some soldiers in that apartment sitting at a table with their mess tins, eating . . . The apartment had been pillaged. The fights continued. After the liberation of Kiev, I took part in the liberation of Ukraine, and then—Belarus. We then got to the Vistula River across from Warsaw. I was in the 47th Army. We remained there for about three months. We could not force the crossing of the Vistula River right away, because our communication lines had stretched out, and the delivery of ammunition and other military supplies could not catch up with the advancing troops. Then I participated in the liberation of what we called Prague—the outskirts of Warsaw—and in the battles in Warsaw.

I received the highest Order of the Red Banner for Warsaw battles. I also received many letters of

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

commendation and a Polish medal “Oder-Nise-Baltika.” Then came Eastern Prussia and finally there came what we all dreamed of—Berlin. I was at the 1st Belorussian front under the command of the legendary Marshall Zhukov. Heavy, intense battles. I have letters of commendation for the Berlin Offensive, Berlin Encirclement, and the Battle of Berlin from the Supreme Commander Stalin.

The Berlin operation was special. Many dear and close friends died there, many fellow soldiers. Most importantly, Berlin surrendered. We took Berlin on May 1, 1945. You know that Sergeant Kantaria, as well as Yegorov raised a flag atop the Reichstag. I was lucky in that regard. I was among those who tried to climb on top of the Reichstag in the first few days after the Battle of Berlin on May 4. I, already a major, and my fellow soldiers Lieutenant Colonel Zykov and Major Mogilevsky tried to climb to the top of the Reichstag, to the dome. Zykov and Mogilevsky did not get to the dome, they got scared. I was fearless, and, regardless of demolished staircases, beam reinforcements and roof framing hanging down, I climbed over narrow, burned down beams to the dome and reached the Victory Banner. It was secured with a thick wire and a thick rope. I grabbed on to the Banner and hung down for some time. Cold sweat was pouring down from me, because during the entire war, we only dreamed of reaching the enemy's lair, and I did reach the lair. I reached the lair.

I met up with my father near Bialystok in 1944. He was serving in the 216th Fighter Wing. At that moment he was a captain and so was I. It's hard to find words to describe that encounter. I searched for him for two days. General Godin, my artillery commander, knew about my tragedy: I had made inquiries about my father and mother. I did not get any worthy information back, nothing positive. Finally, I did get receive a response to my inquiry that my father was in the 216th Fighter Wing. I went to the presumed location of that unit, but I was told that it had left yesterday and moved forward. I was able to find the regiment and got to the regiment's disposition late in the evening.

The head of the regiment's headquarters was also a captain. When I asked: “Is there Boris Grigorievich Rozenberg here?” he replied: “Everybody knows him. He is the most cheerful person here.” My father was a strong, handsome man. So he said: “Follow me. I'll show you where he is.” We walked through the village. In one of the huts, somebody was sitting and reading by a candle made out of a cartridge case and a wick at around half past eleven. The captain said after I walked in: “Boris, look whom I have here.” My father could not get up. He got up and fell back. This was the first time I saw my father since 1939. We sat and talked until morning, and that was when he told me the terrible news that my mother, my brother, and my little sister were executed in Ruzhyn on September 10, 1941. We drove to Bialystok and had our picture taken in the morning—I still have them. Then I returned to my unit and my father continued fighting. He finished the war in May 1945, like me. I finished the war to the northwest of Berlin in 1945. We were exultant! It's hard to describe the joy we felt when the war ended.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

After the war, I served in Germany in what was known back then as the Group of Soviet Occupation Forces. First, I was in the 47th Army before it was deactivated in Halle. Later, in the 3rd Shock Army in Margenburg, and also in the 1st Guards Tank Army in Dresden for four years. My orders arrived to Dresden . . . from the 16th Guards Rifle Corps in Kaliningrad in 1950. I moved from Germany to the Artillery Command of this 16th Guards Rifle Corps and served there until 1952. I entered the Frunze Military Academy in 1953. It was hard for me to study there. Mind you, my last name was Rozenberg! There were three Jewish men in total: Rozenberg, Krasnov, and one more . . . Grinberg. Three in total. At first, I was the master sergeant of my class. There were 500 people in one class—majors, lieutenant colonels, and colonels. In short, I successfully graduated from the Frunze Academy's main department and went to the Far East. There is a place called Shkotovo near Vladivostok. I spent some time in the 25th Army there. Then some units were deactivated. I was offered Kamchatka, Chukotka, and so on. However, my disabled father lived in Kiev, so I asked to go to the Kiev Military District, where I started my service. Apparently, they took it into account, because they offered me to go to Kushka, Termez upon my graduation from the Frunze Academy. You know what kind of place Termez is. I was sick with malaria, I had small children. I refused and moved to Lugansk [Luhansk] in the Kiev Military District from the Far East.

In Lugansk I was deputy regiment commander, and then commander of the Artillery Regiment. We assembled after the alarm and went to Semipalatinsk [Semey], to Damansky Island after the events there, and so on. I finished my service in Semipalatinsk as commander of the artillery regiment. It was tough in Semipalatinsk. I was discharged because of illness but had the right to wear uniform and settled in Kiev, in a place where I initially started my service.

I would like to say that I was married on May 1, 1946 in Zhytomyr. My first leave was in Zhytomyr. It is a very nice city where I had family and friends. My father was born in Zhytomyr and then he left the military service and was in Zhytomyr. I met an incredible person in Zhytomyr—my faithful, smart, and beautiful wife, Firochka, and we will celebrate our 61st wedding anniversary on May 1. Here is my Firochka.

I have two children: my son Sasha graduated from Leningrad Cinema Engineering Institute, and my daughter Flora finished an institute in Kiev. I have two wonderful grandsons. My grandson Dima is thirty-one, rather thirty-three years old and works as a programmer in Manhattan. Borya, my youngest grandson, also works as a programmer in Manhattan. My daughter gave me two granddaughters. One graduated from Cornell University, the other – from Columbia University. My oldest granddaughter is a doctor. My youngest granddaughter is still a student. I have two great-grandchildren. My great-granddaughter will soon turn three. My great-grandson is six months old and he is named after my brother Emmanuil Borisovich. I live in New York and consider myself a happy person despite the fact that I've had a very hard life . . . This is my twenty-eighth apartment after the war—that is how much I moved between different army posts. Firochka and I had a hard life, but we thank this great country America for welcoming us. This is the country that opened a new world to us, our children, our grandchildren, and our great-grandchildren.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

That's why Firochka and I consider ourselves happy people. I want to express my gratitude to Mister Blavatnik, to you, Lenya, and to you, Marat, for doing this great and noble job. It is important to young people and to those who will live after us. It is important for them to know how hard it was to live through the terrible war that claimed millions of lives.

Six million Jewish people perished. The Holocaust claimed the lives of six million Jews. 200,000 Jewish people died on the battlefield, out of 500,000 who fought for the Soviet Union in the war. For that reason, it means a lot to us to know that people remember us. Unfortunately, people die. Several worthy people in our Management Office died over the last two years. We passed the 85-year mark. Such is life. As the Victory Day approaches, I wish all health and happiness to all the veterans and their families, to partisans, concentration camp and ghetto prisoners, and to all the workers of the home front. A special thank you goes to Israel. We all have family and friends in Israel. We pray for Israel to live forever and we know it will be so. Israel is invincible and we will do everything we can to support our homeland. God bless America. God bless Israel.

—May I ask you a couple of questions?

Go ahead.

—It is hard to gather my thoughts after your story. Were you ever encircled, aside from those first five days that you searched for your lot? Did you experience encirclement later?

I am a lucky person. I still remember vividly the first couple of days, when I was injured and I was in that truck. Two vehicles got bogged down and an officer, a captain with a blue band on his cap jumped onto the car step and said: "Let these wounded go. We are going to transport them to a small village over there. We need the car to transport documents." I was lying near one side. There was a pilot next to me. He delivered a classified package to the headquarters of the corps and was injured in the lung by friendly fire. He was wheezing and could barely breathe. When that officer started saying all that about getting us off, I took out my revolver and said: "If you don't jump down and leave, I will empty the entire cylinder into you." He got scared, jumped off, and we went to Minsk. Thank God, I was not in the encirclement then or later during the war.

—Did you meet people who came out of the encirclement?

Yes, but those were exceptions. It was terrible to see a man arriving without a weapon, shabby, and completely worn down, but who escaped. There were such instances. I spoke to these people and I think they did a heroic act because they were able to get out of the encirclement and reach our positions.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Did they go to other units right away or did they have to deal with SMERSH first?

They dealt with SMERSH in the majority of cases. You know that SMERSH was a body that took many lives. In addition, there was Stalin's Order #227 that stated, "Not One Step Back," when the retreating soldiers were killed by friendly troops. That . . . A lot can be said about it.

—Do you mean blocking units?

Yes, blocking units.

—Did they shoot their own?

Yes, blocking units shot at retreating troops.

—Did any special units make up the blocking units or was it simply a matter of chance?

There were different ones. There were NKVD members, as well as soldiers, especially those of other nationalities . . . From Mordovia and others . . . those, you know, who did not have a deep understanding of the situation. They shot their own fellow soldiers. They followed the order. Their reasoning was: "We have an order. If somebody is retreating and running—shoot them." Many got shot and those who managed to escape then had to deal with SMERSH. You probably heard and read about tens of thousands of soldiers who spent ten, fifteen, twenty years in prison after the war. Those who came out of the encirclement went through checks. It was scary, very scary.

—Did partisans ever come to your unit? Did you ever have to deal with partisan detachments and even entire armies when you were advancing through the forests?

It happened. For example, near Warsaw where the prisoners of the Warsaw Ghetto were killed. There was some resistance left when we approached Warsaw. I saw with my own eyes how British bombers dropped food and ammunition to those under siege in Warsaw. Ninety percent of these supplies ended up with the Germans, but not all. Those who somehow managed to escape and survive went to us. They were closely interrogated. When we entered Germany, there were partisans from the former Soviet Union, Belarus, Ukraine . . . They reequipped and took part in the offensive. There is a person named Zeifman Isaak who was the commander of a partisan unit.

—When a partisan unit joined the main forces, were they treated with similar suspicion as those who had been in the encirclement?

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

It depended on the situation. Some partisan units with capable and reasonable commanders joined the main forces right away and continued moving forward. But there were those that . . . It is documented that Ponomarenko, famous in Belarus, reportedly issued an order according to which Jews could not become partisans. Many Jewish people did become partisans. There was some mistrust. No munition for them as well. This is the tragic part of the Great Patriotic War.

—Was there a way for soldiers to go to the rear to eat, to sleep and to wash themselves?

Yes, this was the arrangement: a soldier is at the frontline for one or two weeks. Alternatively, there were three battalions in a regiment and two battalions belonged to the first echelon, while the third one was in the second echelon. They switched from time to time to give people from the frontline a chance to take some rest. Many went back to replenish supplies and ammunition since even my first regiment—the 20th Artillery Regiment—just came back from the Finnish War and had only 70% of the weapons, horses, and other supplies needed. Therefore, there was a periodic rotation of units between the front line and the rear. That rotation did exist.

—The artillery was horse-drawn. What did you do with the cannons when horses were killed?

It depended on the situation. Sometimes we had to remove the locks and hide or bury them, because we could not haul the guns ourselves. Everything was horse-drawn. The 1st Artillery School used horses.

—Did people get sick? Life in the trenches, bad food . . .

Well, maybe because of our age . . . we did not get enough food or rest . . . but things that I see now such as the flu or steppe throat were not common back then. There were things like toothache or something. There were illnesses but they were much less frequent then they are today. People got sick less during the war.

—Did they get sick less or simply paid less attention to it?

People got sick less. There was this state of mind where people thought less about themselves. They had a tactical function they needed to realize. They did everything to realize that tactical function.

—What did people do when they went back from the frontline? Did the artists come and sing songs or did people only want to get some sleep and nothing else?

It varied. Artists came to certain areas of the front, especially to the air force units, because they were not in the forward positions. Airbases were located 10-20 kilometers away from the frontline. The artists' brigades came and received a very warm welcome. As for the frontline proper, I haven't . . .

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

— When people were sent to the rear to rest . . .

It happened. Sometimes our favorite artists came: Klavdia Shulzhenko, Leonid Utesov, Bernes. They were the people who helped us keep up our spirits and fight the Germans.

—Were there any other Jewish soldiers in your units?

Jewish?

—Yes.

Yes, there were Jews. I did not feel the anti-Semitism that existed after the war and that exists now. I had a friend, Semen Krivitsky, who was a battalion commander. He knew artillery well and was an amazing shooter. He got the data ready as soon as he saw a firing point, gave an order, and hit the target precisely. There were many other Jewish people, very good people.

I met Emmanuil Kazakevich. Do you know him? A famous writer. I saw him a lot for one year and a half. He was the assistant to the head of the 47th Army's reconnaissance unit. I was at the artillery operating unit of the 47th Army at that time. He was a remarkable man.

First, I remember how a group of about 400 German soldiers was encircled in Berlin on May 2, 1945. This 400-man group tried to break to the west. In one of the front sectors, where the 47th Army's Field Command was situated, there was a road with a check point made out of a tent and a barrier manned by two soldiers. They would lift the draw gate up and down; would jump out of the tent and open the draw gate. This is what happened. Once I heard terrifying submachine gun shots at 5 o'clock in the morning. I came out with my own gun to see what was going on. I was told that a column of German soldiers had come up to the gate at 5 o'clock in the morning when it was still dark. The column had tanks, self-propelled mounts, and trucks. There came the noise and a soldier got out and opened the gate without looking at the column, but then he saw German crosses. He left everything and ran away. The Germans went five kilometers behind our Command and opened fire at us. We started firing back with our submachine guns. My artillery commander was General Grigory Vasilievich Godin. He said right then: "Major Rozenberg, Kopelev is not far from here—he meant the anti-tank brigade under Colonel Kopelev's command—so take my car and bring here several batteries, because you see what's going on." It took me only 15-20 minutes to get to that brigade and bring two anti-tank batteries. They turned and opened direct fire at the Germans. This saved the entire Command of the 47th Army. Now let me tell you about Kazakevich.

—I have two more questions. First, did you ever encounter German prisoners of war during the war?

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Yes, yes.

—Did you ever have the desire to kill a German?

We caught a German at the Northern Caucasus region close to Novorossiysk during the fighting there. He was as far from me as you are right now. We started questioning him. I was there and the division's commander, lieutenant colonel Kulakov, led the interrogation. The German was big and red-haired. He said: "Heil Hitler!" as he was led in.

—What year was that?

It was in 1942. Lieutenant Colonel Kulakov said: "Tell him he can yell "Heil" over there, but here we will shoot him." This red-haired German changed his tune right away and started listening to the questions. We asked questions through a translator with regard to his unit, where it was and when it got here. He changed his attitude right away.

—Getting back to the question about prisoners: if we talk about whole groups of prisoners, especially by the end of the war, not just one captured informant or somebody who lost his way. Did you happen upon such columns of German prisoners? When they were led somewhere or were stationary. Were you close? Did you feel the desire to shoot them simply because they were Germans?

I was never in a close proximity to the columns of German prisoners, but hate, the burning hate . . . when my father told me, I was ready to get to the Reichstag and finish that whole thing because my mother and our entire family was executed. You know the article by Ehrenburg and its reception. The rumor has it Mister Ehrenburg was criticized. At the front we made cigarettes out of tobacco and newspaper, but if the newspaper had Ehrenburg's article in it, we saved it and passed it on. Ilya Ehrenburg did more than many, many Red Army units. He mentally prepared us for the destruction of the Germans.

—You wanted to talk about Kazakevich.

Yes. Emmanuil Kazakevich was a remarkable person. He was not drafted into the army because of some medical reasons, but he volunteered to go to the front. In 1945, at a time when the group of the Germans was encircled near Berlin and tried to break through, several thousand Germans gathered in a forest near Berlin. The commander of our army General Perkhovich consulted with his staff as to what was to be done. He openly said to Kazakevich: "Captain, take a plane from the army squadron—there was a U2 plane—and go around the sector to detect how many Germans there are, the location of tanks, infantry, or armored carriers." Kazakevich went around the area with his pilot on that plane, which we used to call "Kukuruznik." He located the Germans and reported to the commander. He then was given a car with a

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

loudspeaker, drove up to the edge of the forest and started telling the Germans—he spoke excellent German—that they were encircled and that their fate had been decided with nothing to hope for: the choice was either to give up or be killed. After that announcement, the Germans pounded Kazakevich's positions, but then 15-20 minutes passed and Kazakevich took the white flag and set out with that white flag and three other men. Several German soldiers went toward him. Officers did not come out. Kazakevich moved close to the forest with a loudspeaker. He repeated several times that they would either die or live. This heroic deed by Kazakevich led to more than one thousand soldiers coming out, laying down their submachine guns, raising their hands up in the air, and becoming our prisoners. This was the heroic deed of my very close friend Emmanuil Kazakevich. His daughter now lives in Israel. I wrote about it more than once and received several warm letters from his daughter.

—You were a Red Army officer. Did you get an allowance, a salary? Was there any difference between the salary of an artillery officer and an infantry officer?

No. Positions and ranks. If your position was a company or a battery commander, and your rank was a captain, then you received the same salary in infantry, artillery, or tank forces. Aviation officers received a different salary.

—What about guards units?

The guards . . . there were many guardsmen. There was some small difference. There was nowhere to spend your money during the war anyway.

—But you could mail your allowance.

Yes, to your family and loved ones.

—To your family or to anybody you wanted to.

That's right.

—What did privates receive?

Soldiers received close to nothing, three rubles a month. I remember it clearly.

—It means that an officer could have sent his salary to somebody and, thus, support his family.

Quite right.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—What about a soldier's family?

The enlistment office that drafted a soldier needed to provide some sort of help to his family, but, unfortunately, that help was so little that soldiers' families did not feel it.

—Could you also say a few words about medical orderlies?

Medical orderlies were women whom we should have commemorated with a monument long ago, each one of them personally, because these orderlies were women and girls who saved the lives of the sick and the injured on the frontline and got them out from under fire. This is a special kind of people. Such a heroic deed is hard to overestimate. There were many such women and girls. Tenth-grade students were drafted as orderlies. There were those from tenth grade and from seventh grade as well. These women played a unique role in providing care for the sick and the wounded during the war.

—You worked at the headquarters, did you not?

I worked at the Artillery Headquarters of the 47th Army during the final stage of the war.

—And prior to that? What was your career path . . . ? I understood that during the first days of the war . . .

I was a platoon commander.

—What kind of platoon?

An artillery platoon. The one with two guns. Then I was the commander of a battery that had four guns and later, the head of reconnaissance of an artillery battalion.

—What did the battalion reconnaissance do?

It located targets to destroy.

—How?

The artillery division had three batteries with four guns each. This means twelve guns. A reconnaissance man, a battery commander, and I did reconnaissance work. We moved to forward positions and located through the binoculars our targets. We also sent privates, sergeants, and officers to the German rear to locate their areas of concentration, their machine-gun placements and their artillery guns, as well as where their tanks and infantry troops are located. These targets . . .

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—How did they let you know? Did they draw fire after going to the rear and locating everything?

That happened as well, but they often returned and showed things on a topographic map. We used to bring maps with us when we went behind enemy lines and marked where guns were deployed, or where tanks were concentrated. Then we would open fire at these targets.

—Could you say a few words about your rations?

We sometimes had to go without any food for two-three days. Things varied. We had rusks and dry ration. Hot food was usually brought to the forward positions either late in the evening or at night, because otherwise field kitchens could not get through: the Germans saw them and opened fire. Food delivery was irregular and we were happy when a sergeant major would come. In addition, we received 100 grams of vodka at the front, and this helped many people. Different people used it differently. Some liked to drink it, others—not so much.

Once, we were stationed close to Novorotovka. My wartime friend Ilya Demchenko, the division's commander . . . There was an open terrain and the Germans were at the elevations on the opposite shore. We—I mean commanders—dug out overhead covers in that open terrain and stayed there. One time Demchenko summoned batteries' commanders, who answered to the division's commander. Six or seven men, myself included, gathered there. It was the winter of 1942, freezing cold. A couple of rain coats hung at the entrance to the dugout and the straw covered the floor and the walls. The chief petty officer brought half a bucket of alcohol in a zinc bucket and put it on the floor. We sat down, started talking, and then Ilyusha Demchenko said: "Let's toast." We had metal mugs and each got half a mug each or maybe more. We cheered, drank it, and kept talking. We were smoking and then somebody threw a cigarette bud on the straw and into the bucket. The bucket caught on fire . . . ha-ha . . . those who were able to get out right away were ok; others had burned eyebrows or hands. Things happened.

Those 100 grams helped many people at the front, cheered them up. Some abused it. There were a few terrible cases. I remember cisterns with alcohol near Rostov. Nobody looked to see what kind of alcohol it was: methyl, ethyl, or something else. Soldiers found out about it and got some out with their mess tins. They took a lot of alcohol and then eight men were found dead the next morning. Turns out, it was denatured alcohol. So, things happened.

—You have many awards. Could you tell us about an award that means the most to you and that is the most memorable?

I spoke briefly about the Order of the Red Banner. It is the highest award for Warsaw. Few people have four Orders of the Patriotic War. Why did I receive them? I received one Order for the forced crossing of the

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Dnieper and for the liberation of Kiev. I got my second order . . . There is a town in Germany called Schneidemuhl [Pila, Poland], the battles for which were terrible. I got my third Order for Berlin and my fourth Order on the forty-year anniversary, when all veterans received the Order of the Patriotic War.

This order is special. It is the Order of Great Victory. I received this order here, in America. A special delegation came here and I was the forty-fourth to receive it. Here is Marshall Zhukov.

This man is especially dear to me. I met Marshall Zhukov three times. My first meeting was in 1940. I was a student at the 1st Kiev Artillery School. Then we heard that Marshall Timoshenko, the Defense Ministry, was coming to Kiev. Zhukov was commander of the Kiev Military District. One hundred men were chosen from the entire military garrison to meet the People's Commissar of Defense. Among these 100 students of military schools was one banner carrier and two assistants. I was chosen as an assistant from Kiev Artillery School for being a good drill student; Hero of the Soviet Union Yagudin—who had been awarded for the battles at Khalkyn Gol in 1937—became the banner carrier. Yagudin and I, the student of the fourth battery, trained for a month and went to Kiev Train Station for a final rehearsal and then for the meeting itself.

One hundred of us were standing at the platform. Marshall Zhukov came and inspected us. I was standing in the third column: me, Yagudin with a banner, and the second assistant. Yagudin was a big lad with broad shoulders. He took him by the arm and said: "Step forward to the right flank." Then he took me and the student of the 4th battery and said: "To the right flank." We moved and he looked at us and said: "That's better." We then heard the sound of a train approaching in five-seven minutes. The order came: "Attention! Eyes right!" We did it and saw a train with five cars. It went past the station without stopping. There was an order: "At ease!" In one minute, there came another train with five cars. "Attention!" The train stopped by the right flank where we were standing.

Marshall Tomoshenko got off dressed in a nice grey suit, patent leather boots, with gloves in his hand. Zhukov came up to him and reported: "Comrade People's Commissar of Defense, escort of honor of the Kiev Military District is lined up to meet you." He took a tour and said: "Hello!" We yelled, "Hello Marshall of the Soviet Union." They walked around and finally we received the command: "Right shoulder ahead. March! Eyes right!" We did it. After that the commander of the Kiev Military District issued us a commendation.

The second meeting was near Warsaw in 1944. He came to solve some issues. I saw him up close, but he did not ask me anything and I did not speak to him. The third meeting was when we were getting ready to meet veterans from the U.S. Sergeant Polonsky headed that seven-people delegation. He linked up with our troops on the Elbe. I was a student at the Frunze Military Academy at that time. Twenty people in total were selected, four from each academy—the escort of honor to the Victory Banner. This was the second time I saw that Victory Banner. I was the deputy head of the escort of honor. We were at the Main House of

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

the Soviet Army. There is a museum of the Soviet Army there. We went to that museum, took the Victory Banner that was on top of the Reichstag, carried it out, and put it on the second floor of the Main House of the Soviet Army. There were over three thousand people in the grand hall. We were on the second floor.

Two assistants to the left and to the right of the Victory Banner were those who met with the Americans on the Elbe. I received that honor as well. The delegation of seven men went up to the second floor and into the hall. Photos and videos were taken. They took the front-row seats; Josef Polonsky sat in the Presidium among the top brass. He took the floor. I had to place assistants by the Victory Banner every fifteen minutes. I got up, placed the assistants, and returned to the hall. Then I witnessed the following episode: Josef Polonsky said in his speech that his mother—when sending him to the Soviet Union—asked him to express gratitude to the Soviet people for achieving the joint victory over Nazism. There was applause and he took about 200 pictures from each pocket, depicting the meeting on the Elbe. Do you remember that famous picture: our soldier and an American soldier hugging one another? He threw them in the air, and the first seven or eight rows scrambled to get those precious souvenirs. Afterwards, the ceremony continued, stories were told, and there were huge photographs—one meter by one and a half—on the walls depicting the meeting on the Elbe, the fall of the Reichstag, and so on.

That was my second encounter with the Victory Banner. The third meeting with Zhukov was at the parade. You know that Frunze Academy was opening all the parades in Moscow. We trained for the parade. The grand rehearsal was at the airport and that was where we went. Our academy was at the front. The box had 144 people. I had the honor of being at the first rank of the Academy. Marshall Zhukov and many other generals and admirals came and they were walking and talking close to the first rank. Then Marshall came over and asked: "How will it go?" I was a lieutenant colonel and a student at Frunze Military Academy and I said: "It will go well, comrade Marshall!" He said, "That's right, good job!" That was how it ended.

That is what I can tell you. Marshall Zhukov is a special person in my life and I saw him personally. He was a tough and an extremely demanding man with a very strong will. His mere sight could instil fear. Things happened, and both true stories and falsehoods have been told about the Marshall at the front. As a veteran of the Great Patriotic War and as a man who saw him three times, I consider Marshall Zhukov to be a great man and I did everything to have our American Veteran Association named after Marshall Zhukov. That is its name now. Zhukov's daughters came here. A medal "100 Years to Marshall Zhukov" was created to commemorate his 100th Birthday. Zhukov's daughters came and the medals were awarded at the General Consulate of the Russian Federation.

—Thank you.

Leonid Rozenberg. Full, unedited interview, 2007ID [NY033.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4dc3n>ITEM TYPE **VIDEO**

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIANCITATION **MLA***Citation information coming soon!*CITATION **APA***Citation information coming soon!*CITATION **WIKIPEDIA***Citation information coming soon!*

CONTACT

INFO@BLAVATNIKARCHIVE.ORG
212.275.4600**BLAVATNIK ARCHIVE FOUNDATION**
1633 BROADWAY AVE, 4TH FL
NEW YORK, NY 10019**BLAVATNIKARCHIVE.ORG**
FACEBOOK.COM/BLAVATNIKARCHIVE